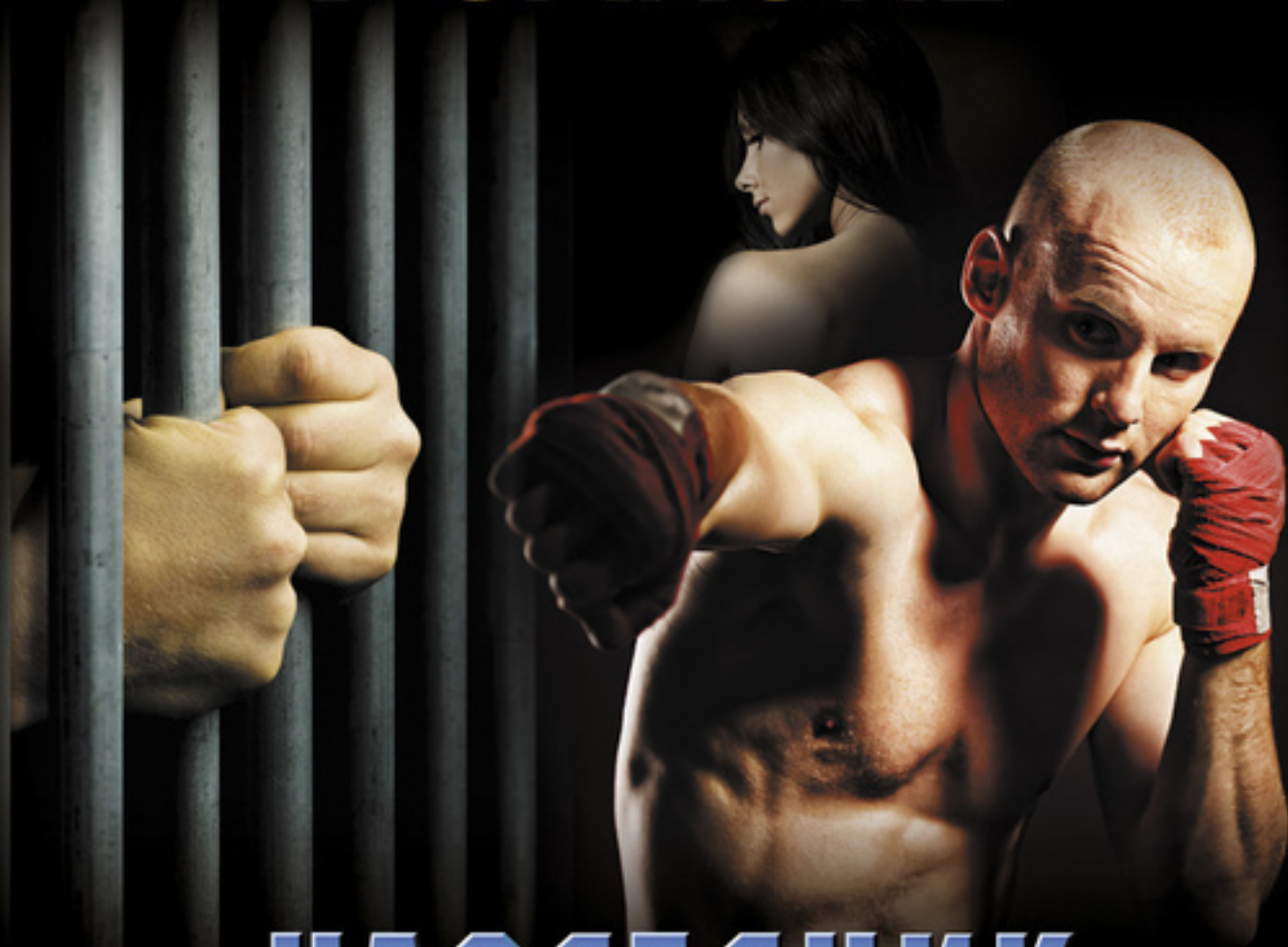

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

НАСЛЕДНИК
ЧЕМПИОНА

ЭКМО

Расследования криминального репортера

Сергей Зверев

Наследник чемпиона

«Научная книга»

2013

Зверев С. И.

Наследник чемпиона / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2013 — (Расследования криминального репортера)

Трое отморожков изнасиловали и убили жену чемпиона мира по боксу Виктора Малькова. Двоим подонкам спортсмен отомстил, а наказать третьего не успел – его арестовали и приговорили к высшей мере наказания. Маленькому сыну Малькова – Артуру – грозит специализированный детдом. К счастью, друг семьи тайком отвез мальчика в Новосибирск, изменил имя на Роман и сделал новые документы. Прошло почти 25 лет. Американский банк начал искать наследника расстрелянного чемпиона Малькова, чтобы выдать огромную сумму, заработанную отцом во время боксерских поединков. В Россию отправляется частный сыщик, который с большим трудом вычисляет двух претендентов, двух бывших детдомовцев Романов, один из которых может быть сыном чемпиона. Это уголовник Роман Гулько и милиционер Роман Метлицкий...

© Зверев С. И., 2013

© Научная книга, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	22
Глава 3	25
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Зверев

Наследник чемпиона

Пролог

Двое сидят на низкой, старенькой, на первый взгляд, готовой в любой момент развалиться, лавочке. На самом деле она стоит у первого подъезда этого дома в кривом состоянии вот уже без малого сорок лет. И никто не может сказать точно, сколько она простоит здесь еще. Они сидят на лавочке второй час, большей частью молча. Она еще пытается выправить положение, постоянно начиная разговор с одного и того же. Спасти положение может лишь свадьба, это лучший из всех имеющихся сейчас способов остаться вместе. Все было бы хорошо, будь он хоть чуть-чуть сговорчивее, но он сидит, сложив руки на коленях так, словно они онемели. Она не узнает его, потому что точно знает – Артур Мальков самый веселый парень в Ордынке! Артура, конечно, можно понять. Мама говорит, что в его семье большая проблема, и даже просит не общаться с ним, но разве Маша может не общаться с человеком, вместе с которым, если верить той же маме, лежала на соседних кроватках в роддоме?

– Так ты не ответил, – настаивает она.

– Я ответил, – ему упрямства тоже не занимать.

Есть в кого.

– Ты женишься на мне? Тогда ты будешь в нашей семье. Маме ты нравишься, хоть она и относится к вам с опаской, папе не очень, но это не страшно. У нас главная – мама.

Хочется плакать, но он не может себе этого позволить.

– Ты поживешь у нас, а после мы, конечно, поженимся, – не унимается Мария. – И все будет хорошо.

Но он точно знает, что хорошо уже не будет никогда. Никогда.

– Почему ты плачешь? – согнувшись пополам, она вглядывается в его глаза.

– Это ветер...

Приняв ответ, она успокаивается и, выпрямившись, начинает снова растирать колени. Конечно, не плачет. Чтобы Артур, да заплакал... А ветер сегодня действительно сильный. Отец говорил, что из-за него ушла на дно вся рыба и теперь вряд ли удастся порыбачить с товарищами из области.

Маша никак не может понять, зачем, когда отец говорит о людях, он обязательно добавляет – «товарищ». Ну вот как бы она выглядела, если бы к Артуру постоянно обращалась – «послушай, товарищ Артур»? Зачем говорить, если и так ясно, что он – товарищ?

– Пойдем вечером к Орде? Ветер уляжется, можно будет опять попробовать лодку отвязать или просто посидеть...

Вечером... Артур не знает, что будет вечером. Он чувствует, что вечера уже не будет. Этот день будет тянуться вечно, и ничем хорошим уже не закончится.

– Я пойду домой.

Соскочив с лавки, он поправил брючины над ботинками и тоскливым взглядом посмотрел в сторону подъезда.

– Туда нельзя!.. – испуганно прокричала, стараясь заглушить свой голос, Маша и попыталась схватить его за рукав. – Там плохо...

Артур это знал, но пошел. Лучше уж сгорать от неожиданно навалившегося горя там, чем мучиться от неизвестности на лавочке.

Он шел к подъезду, чувствуя в груди, под горлом, раскаленный кусок свинца. Хотелось плакать, но позволить себе этого он не мог. Отец всегда говорит, что никогда не нужно ничего бояться и ни у кого ничего не просить.

Между тем ноги не шли, и, чтобы подниматься по пахнувшей летней прохладой лестнице, ему приходилось совершать над собой насилие. Ботинки цеплялись за ступени, и он уже дважды едва не упал. Все было в это утро необычно, отлично от остальных дней. Обычно тихая квартира на втором этаже их двухэтажного кирпичного дома сегодняшним днем превратилась в эпицентр разноголосого шума. Сначала был стук в дверь, потом чужой говор, похожий на тот, которым разговаривают грузчики в магазине на Коммунистической, потом этот говор усилился, и им заполнилась вся квартира. Зачем-то пришли соседи, хотя их никто не звал, но больше всего Артуру были неприятны эти четверо, что стали сразу вести себя не так, как гости, а так, как будто именно они хозяева в этом доме.

Поднявшись на этаж, Артур заставил себя поднять глаза и как следует рассмотреть открывшуюся его взору картину. Дверь распахнута настежь и, судя по всему – тот же говор, топот и движения – народу там почти битком.

Его заметили сразу же, едва он перешагнул порог, разделяющий коридор и комнату. Какой-то усатый хмырь в сером помятом костюме тут же вперил в него свой голубой взгляд и прокричал:

– Я же просил, чтобы ребенка убрали! Пусть его заберут к себе соседи, а там разберемся! Кстати, сколько вашему сыну лет, гражданин Мальков?

– Шесть, – сказал отец и посмотрел на Артура.

И тут Артур не выдержал.

Он еще никогда не видел отца в таком унижительном положении. На его руках были надеты наручники, и теперь он курил, держа папиросу в обеих руках. Он сидел на табурете посреди комнаты, словно нашкодивший во время занятий воспитанник детского сада в кабинете директора Николая Ивановича. Его плечи были опущены книзу, и всегда уверенный в себе, он даже не потянулся к сыну, чтобы оградить его от такого обращения. Артур смотрел в глаза отца и видел в них туман. Наверное, папа зевнул. Так всегда бывает – зевнешь, а потом никак не можешь спастись от слез, которые лезут из глаз вопреки всем желаниям. Почему отец сидит, словно побитый кот, не встает, как это бывало не раз, и не заставляет этих четверых закрыть свои рты и извиниться?!

Что-то изменилось в жизни.

Он тихо завыл. Так воет собачонка, выброшенная на улицу бессердечными хозяевами, позабытая и обиженная.

– Я же сказал – уберите ребенка! Заберите его отсюда кто-нибудь! Определимся с отцом, потом о нем позаботимся! Да заберите же его!!

Артур заплакал еще громче.

– Сынок, не плачь...

– Можно, мы его к себе заберем? – послышался голос соседки.

– Заберите к себе, заберите к чертовой матери – куда хотите заберите, только не мешайте работать! – окрысился «серый».

– Пойдем, Артурка...

Отмахнувшись от окутавших его рук соседки, тети Гали, Артур бросился к отцу.

– Черт! – прошипел «помятый» и схватил мальчишку за шиворот.

– Не трогай пацана! – махнув соединенными вместе руками, отец заграбастал Артура и прижал к себе.

– Да что это такое происходит?! – изумился «мятый».

С силой, так, что на рубашке Артура затрещала фланель, он оторвал его от отца и отбросил в сторону.

– Ах ты...

Ну, вот наконец-то отец превращается в самого себя! Сейчас он поднимется со стула и исправит ситуацию. Не может того быть, чтобы этот сон так долго длился. И отец на самом деле встал.

Артуру вовсе не было больно, когда он, пролетев около двух метров, врезался в сервант и ударился о его ножку головой. Он не замечал боли и оскорбления! Отец встал, его отец, с которым никто доселе в Ордынке не разговаривал так, как разговаривали эти четверо во главе с «мятым».

Вскочив, отец размахнулся обеими руками и неудобно, но изо всех сил врезал этому «мятому» по голове. Хрюкнув, как потревоженный боров, тот наклонил туловище вперед и быстро помчался в сторону трюмо. Протаранив головой толстое зеркало, он рухнул грудью на тумбу и хрюкнул еще раз.

Но отец не стал больше никого бить. Он лишь слегка присел, заслоняя лицо и живот руками от тех, кто бил его руками и пинал в углу комнаты. Получалось у отца плохо. Едва он закрывал соединенными руками живот, он тут же получал по лицу удары, от которых кровь крупными брызгами разлеталась по недавно крашенной батарее...

Чья кровь?..

Тяжело дыша, Артур сидел на полу и пытался понять – чья кровь? Не может быть, чтобы папина. Этого просто не может быть. В Ордынке никто не смеет не только ударить его, но и замахнуться. Плюнуть в его сторону, косо посмотреть... рукой махнуть – и то никто не смел!..

...Закрывал лицо – тут же раздавались хлопающие удары по открывшемуся месту.

Это папу бьют! – дошло до Артура...

Увидев, как дважды «помятый», стряхнув со своего лица впившиеся под кожу мелкие серебряные осколки, присоединился к трем, напавшим на отца, Артур дико закричал и вскочил на ноги.

Молоток лежал рядом – утром отец прибывал к потолку в коридоре какую-то доску. «Антресоль» – как смешно обозвал доску отец. Он отложил молоток в сторону, когда раздался этот проклятый стук в дверь и гомон на площадке. И сейчас это был первый предмет, который попался на глаза Артуру.

Смахнув его с тумбочки и даже не почувствовав его тяжести, Артур приблизился к «помятому» в тот момент, когда он, схватив отца за волосы, с остервенением, четко рассчитывая каждый удар, бил в склонившуюся под ним кровавую маску...

Дук!..

Молоток отскочил, как от тугого папиного боксерского мешка. Соскользнув с руки, он отлетел в угол и, опершись рукояткой о стену, замер, как солдатик.

Все происходило для Артура как во сне. Нереальными были события, оживленными казались предметы. И даже этот молоток, отлетевший в угол комнаты так, словно его притянул магнит.

– Господи...

– Боже мой...

Артура била крупная, как при прошлогодней лихорадке, дрожь. Слишком много потрясений для шестилетнего организма в одно летнее утро. Он стоял, растопырив пальцы рук, дышал, как при истеричном рыдании, и смотрел на то, как из черепа сползающего на пол «мятого» выбегает кровь. Она бежала, как ручеек, к которому однажды весной отец возил Артура. Ручей был далеко, за тридцать километров от Ордынки, и мама тогда была поведением папы недовольна, но он все равно повез. И сейчас Артур видел ту же картину: маленькая речка, для которой нет преград. Только тогда она не была такой красной. Этим утром все красно...

Значит, на паркете все-таки не папина кровь...

– Держи сосунка! – сквозь сон услышал Артур изумленный визг. – Он Воропаева свалил! Звоните в «Скорую»! У кого в подъезде телефон?!

– Сука, Мальков, ты и за свои дела ответишь, и за щенка своего! – продолжал сквозь пелену тумана слышать Артур.

Казалось, что в комнате повисла несуществующая в реальной жизни жижа, в которой расплываются не только изображения, но и звуки. Он видел широко раскрываемый рот товарища «мятого», видел среди его настоящих желтых зубов один ненастоящий – золотой, он видел это искаженное гневом лицо прямо перед собой, но доносившиеся до его слуха слова двигались откуда-то сзади. С той стороны, где стояла соседка – тетя Галя, и остальные соседи...

Отец и «мятый» лежали чуть поодаль друг от друга, но мальчишка видел их лица так, словно они прижимались друг к другу щеками. Лицо «мятого» было залито густой черной кровью, она продолжала литься и литься, заползая в ноздри и рот. Безвольные пухлые губы принимали этот неудержимый поток жидкости без возмущений. Все правильно... Той весной трещина в земле так же жадно принимала талую воду.

Лицо отца было еще страшнее: оба глаза заплыли, как два переспелых, раздавленных помидора. Он вспомнил, как отец, когда была жива мать, а Артур совсем маленький – еще не умел читать – баловался с мамой на даче. Они, собирая помидоры, вдруг стали хохотать, как сумасшедшие, и бросаться переспелыми, непригодными для засолки плодами. Как давно это было... Тогда, когда еще была жива мама. Мать с отцом любили друг друга, любили и его, Артура. Поэтому досталось помидором и ему. Было смешно смотреть на отца, когда он смеялся, обнимая мать, и с его щеки сползали густые красные волокна... Это было смешно.

А сейчас папа лежал на полу с кровавыми, раздавленными на лице помидорами и что-то шептал. Пелена перед глазами мешала Артуру видеть и слышать. О чем шептал разбитыми в кровь губами отец? Наверное, он шептал мальчишке то же, что говорил давным-давно, на даче, матери. Артур, тогда, когда еще не умел читать, это слышал. «Я тебя люблю», – шептал матери отец...

Не в силах смотреть на эту страшную картину, Артур на негнущихся ногах сделал два шага в сторону «мятого», наклонился и вытянул из-под его задравшейся штанины кролика.

Кто-то в этой квартире должен остаться не униженным. Пусть это будет кролик, раз невозможно остановить этих троих, выламывающих руки отцу...

Артур снова всхлипнул. Взял кролика за лапу, опустил до пола, снова посмотрел на отца. Тот уже ничего не шептал, просто лежал, положив щеку на пол, и прерывисто дышал.

Пол перевернулся, Артур потерял сознание...

...и очнулся в пахнущем сырым бельем помещении.

Вверху был треснутый ровно посередине потолок. Он был тщательно выбелен, однако то тут, то там виднелись странные, словно иней, кристаллические пятна. Артур повертел головой. Справа и слева – по пустой, аккуратно заправленной кровати.

Тяжело задышав, Артур подскочил на кровати и услышал скрип пружин. Этот звук пронзил его мозг и заставил память расставить все события по порядку.

Вчера били отца. Его били четверо дядек, которые...

Артур всхлипнул и надул губу. Отец не велел плакать, поэтому он, поймав себя на лихорадочном выдохе, медленно выпустил воздух через ноздри. Звук получился каким-то свистящим, потому что некому было заставить его с вечера как следует высморкаться.

Отца били четверо дядек... которые пришли к ним в квартиру. Тот, «мятый», постоянно вытирающий пот со лба, протянул отцу какую-то бумагу и прошел в квартиру, как в свой гараж. Во дворе у соседа по кличке Лихоман есть деревянный гараж, так вот он входит в свой гараж точно так же, как «мятый» зашел в их с отцом квартиру.

Пока отец читал, он взял с тумбочки мамину фотографию, посмотрел и бросил на столик лицом вверх. Артур тогда подошел, ударился боком в «мятого», чтобы тот отодвинулся

в сторону – так всегда делал его отец, когда ему кто-нибудь дерзил на улице, поднял рамку и поставил фотографию так, как она стояла до прихода этих дядек.

Вот тогда «мятый» и возненавидел Артура. Толкнул мальчишку в сторону дверей и рявкнул:

– Выведите его отсюда к едреной фене! Без него дел хватает! Ерошев, позвони, пусть сюда инспектор по малолеткам приедет! Этого шкета куда-то отправлять все равно придется...

Это последнее, что слышал Артур. Его хотела увести в свою квартиру тетя Галя, но он вырвался и выбежал на улицу, где и встретил Машку. Странно, но она словно знала, что тот выйдет. Сидела на лавке и сразу увидела Артура, махнула рукой.

Где отец? Не может быть, чтобы он, не разобравшись с этими дядьками, оставил его одного так надолго. Конечно, ему придется потратить несколько часов для того, чтобы полечить раны на лице, но...

Но он никогда не оставлял его у чужих людей так надолго. Артур помнил, как однажды они с отцом, когда уже не было матери, но он еще не научился читать, попали в аварию, и Артур оказался в больнице. И отец пришел к нему уже через полчаса, хотя все вокруг говорили, что у Виктора Малькова, его отца, сломаны три ребра и вывихнута рука. И все смотрели на отца с уважением. Вот так. А тут...

Он просто не имел права оставить его одного на ночь в чужом доме. Хотя на дом это похоже мало. Скорее – снова больница.

Мальчишка соскочил с кровати и подошел к окну. Очень интересная картина. За решеткой – частокол из деревьев, а за ним – высокая стена. Настолько высокая, что даже папа, наверное, через нее не переберется.

А за спиной – снова шаги.

Не желая нервировать тетку, Артур вздохнул и забрался под одеяло.

На этот раз она была не одна. Опять четверо. Один самый высокий, в белом халате и с бородкой, похожей на белую ладошку, еще дядька с серьезным взглядом, в какой-то форме под хрустящим халатом и пожилая женщина. И тетка, тоже в белом халате, которая уже приходила не раз. Только теперь уже без подноса и этого неприятного взгляда. И первое, что она сделала, подошла к кровати и подоткнула под его бок одеяло.

Артур от этого прикосновения напрягся, как перед ударом отца на тренировке. Напрягся и не смог расслабиться даже тогда, когда та отошла, освобождая место главным посетителям.

То, что они главные, Артур понял с их первых слов.

– Шок миновал? Зрочки, реакция?

– В норме. Внутримышечно... орально... димедрол и... ноль пять...

Спрашивал Штырь с козлиной бородкой, отвечала тетка. Хмырь в непонятной форме прижимал к груди кожаную папку и молчал. По его бегающему взгляду Артур понял, что про «димедроли-орально» для него тоже непонятно, как и для него. Какие димедроли? Артур хочет, чтобы пришел отец, поднял его с этой ужасной, похожей на раскладушку, кровати и унес домой! Вот и все димедро...

Он прислушивался к разговору и пытался понять, когда окажется дома. Тогда, когда он лежал с лихорадкой в больнице – давно, когда еще не умел читать – ему удавалось ловко сбивать с градусника температуру, прятать таблетки и делать спиной так, чтобы отваливались банки. Через неделю его выписали. И тогда он тоже слушал врачей и мысленно вычислял, когда снова вернется домой. От мамы, правда, за банки попало – сиделка проговорила...

– Кто его родители? – спросил Штырь, повернувшись к Форменному.

Артур увидел, как тот поморщился и стал расстегивать свою коричневую папку. Неужели тетка и ему дала тех таблеток?

– Видите ли, доктор... Мне все равно придется его увезти.

– Я вас спросил, кто его родители, – напомнил Штырь.

– Мать – Малькова Инна Андреевна, пятьдесят четвертого года рождения. В позапрошлом году ее... – Покосившись на Артура, который, услышав имя матери, напрягся, как перед прыжком, он отвернулся к Штырю. Отвернулся, однако до шепота не снизошел. – В позапрошлом году она подверглась уличному нападению. Трое приезжих сняли с нее серьги, кольца и забрали сумочку. Ну, деньги там, документы. Хотели ее... Не далась. Убили.

КОГО УБИЛИ?!!

У Артура задрожала нижняя губа – кого убили?!!

Маму?! Что он врет?!!

– Мама умерла!.. Она на небе сейчас! Смотрит, чтобы я не баловался...

Артур стал крутить головой в поисках тех, кто мог бы это подтвердить.

– Мама умерла... Она на небе... У папы спросите! – Это – Штырю, чтобы он не слишком доверял Форменному.

Но папы рядом не было, а развивать тему неба никто не собирался. Пожилая женщина зачем-то наклонила лицо к полу и, закрывая очки ладонью, стала водить пальцами по лбу. Тетка смотрела на папку Форменного стеклянными глазами и тоже молчала...

– Кем она работала? – тихо спросил Штырь.

– Музыке в музыкальной школе учила.

– Чему же еще в музыкальной школе учить можно? А что с отцом?

Форменный опять поморщился, только теперь еще сильнее.

– Отец – Мальков Виктор Александрович. Гордость наша... Заслуженный мастер спорта СССР по боксу. Чемпион мира и Европы... Через два месяца после смерти жены Мальков в составе сборной поехал на чемпионат Европы во Францию. Все удивлялись, как так можно – через два месяца-то? Тренеры его останавливали, мол, отойди душой и телом, приди в себя, восстанови моральную и физическую форму... Вы знаете, как он пил после гибели своей жены? Вы просто не представляете, как пил. Члены сборной его спасли, вытянули из пучины безумия. Знаете, это не по-советски... Ехать на чемпионат мира, защищать честь страны и так в итоге выступить. Нечего и рассуждать о том, что он все бои проиграл, а вместе с ним по очкам и вся команда. Ну, скажите, зачем нужно было во Францию лететь сразу после того, как на тебя горе свалилось? – Майор облизнул сухие губы и поискал глазами поддержки. – И знаете, доктор, как теперь выяснилось... Как можно было советскому человеку так низко пасть? Хотя понятно – заграница, валюта...

– Простите, а куда можно упасть ниже уровня чемпиона мира? – уточнил Штырь.

– Я что-то не понял...

– Заграница людей портит, – объяснил доктору правовую неясность вопроса Форменный. – Мальков два раза был в Италии, был на Кубе, в Польше. Полтора года назад приехал из Штатов. Четыре месяца назад вернулся, как я уже говорил, из Франции. Вчера при обыске валюту нашли – крупная сумма... И в рублях тоже... Уголовно наказуемое деяние, товарищ доктор. А по нашим законам – довольно серьезное.

– Да, да, конечно...

Штырь встал, сунул руки в карманы халата и вялой походкой прошел к окну. Что его там может заинтересовать? Деревья, деревья, деревья и виднеющийся кусок стены?

– И на этом основании вы хотите забрать у ребенка единственного родного ему человека, а отца лишить сына?

– Крайне странно слышать это от вас, доктор... Это тяжкое преступление, профессор. И потом, ребенок сейчас окажется в детском доме, а для подрастающего молодого человека это гораздо лучше, чем остаться с таким отцом.

– Да, конечно... – повторил, как заведенный, Штырь. – Но у нас в законодательстве есть ведь какие-то сноска, послабления, прощение, в конце концов. Вы понимаете, майор, о чем я говорю? Мальков – отец мальчика. И других родственников нет!

Артур совершенно ничего не понимал, но голову к Форменному повернул – тот-то понимает?

– Видите ли, доктор... Вчерашнее посещение квартиры Малькова никак не связано с обнаруженными дензнаками чужих государств. Наличие в адресе подозреваемого валюты есть следствие обыска, а не его причина. Идя к Малькову, наши люди надеялись найти там нечто другое. А о долларах никто даже не помышлял. Это лишь подтверждение того, что следствие шло верной дорогой.

– Как-то не удается мне в ходе вашего рассказа мысли по полочкам разложить...

– Штырь вперил в Форменного суровый взгляд.

Артур потянул на себя одеяло. Ему было страшно, но он слушал...

– Я объясню, – Форменный покусал ус и откинулся на спинку стула. – Хотя и не обязан этого делать. Но раз уж тут присутствует представитель райисполкома... Три месяца назад в Зеленограде был обнаружен труп. Мужчина тридцати пяти лет был забит до смерти. Причем руками и до такого состояния, что опознание тела родными затянулось на четверть часа. Через два месяца в Новосибирске произошел странный случай. Человек упал с крыши. Знаете, такое иногда бывает. Просыпается человек поутру, смотрит, вместо рук – пара крыльев. Надо проверить. А как? Конечно, прыгнуть с крыши.

В данной ситуации первоначальная версия – несчастный случай...

Форменный помолчал и, позабыв, где находится, вынул из внутреннего кармана пачку сигарет «Новость». Артур узнал эти сигареты. После того, как мама ушла на небо, мальчишка не раз видел такие же сигареты на тумбочке в папиной комнате. Однако потом он почему-то курил только «Беломор». Папиросы Артуру не нравились...

Спохватившись, Форменный поджал губы под усами и вернул пачку на место.

– Знаете, при таком положении вещей становится просто страшно за третьего.

– Какого третьего? – Штырь нахмурился еще сильнее и сейчас походил на злобного старикана из «В гостях у сказки». – Вы о чем?

– Я о том, что после убийства Мальковой нами были установлены личности тех троих, кто совершил на нее нападение.

– И что? – не унимался Штырь.

– Забитый кулаками в Зеленограде и прыгнувший из окна в Новосибирске – это двое из тех троих...

Пожилая женщина убрала от лица руку и уставилась на Форменного таким взглядом, что Артур растерялся. Так Маргарита Петровна, учитель арифметики, обычно смотрит на двоечника Ваську Баскакова...

Артур перевел взгляд. Лучше бы не переводил. Картинка еще хуже. На лице старикана выступили красные пятна.

Интересно, что происходит в этой палате? Пришел бы, что ли, папа, да растолковал все, как он умеет это делать...

– А... он подтвердил?..

«Так, еще одна загадка, – подумал мальчишка. – Кто – он, и что он должен был подтвердить? Взрослеть не стоит. Взрослые – странные люди. Они задают одни вопросы, получают на них другие ответы, а потом, не желая казаться глупыми, продолжают разговор в третьем направлении. Все равно что «димедроли-глюкозы»: все слышно, а ничего не понятно. Как вчера, дома. Золотой зуб виднеется впереди, а речь слышится сзади. Как это связать? А-а-а, пусть дальше болтают. Отец придет и все объяснит».

– Вы хотите сказать – признался? – уточнил Форменный и захлопнул папку. – Доктор, скажите мне как врач... Если человек болен шизофренией, разве он признается в этом? Ему наверняка известно, что его тут же ограничат в свободе, правах...

– Разница в том, что шизофреник не знает о том, что он шизофреник, – перебил Форменного Штырь.

Но тот имел особое мнение.

– Тяга к преступлениям – это тоже болезнь, доктор. Попробуйте сейчас спросить его – знает ли он то, что совершил преступление...

– А вы спрашивали? – Кажется, Штырь уже успокоился. Движения его были опять ленивы и расчетливы. – И что он ответил?

Майор до ответа не опустил. Лишь кивнул в сторону сидящего с открытым ртом Артура.

– Переодевайся!

Мальчишка повертел головой. Куда? Одежда вот она – в руках тетки, но куда собираться, если нет отца?!

– Никаких переодеваний, – отрезал Штырь.

– Доктор, вы... – выпрямился Форменный.

– Да, я доктор. Вы правильно заметили. И доктор находит, что состояние ребенка недостаточно удовлетворительно для того, чтобы его не только помещать в детский дом, но даже транспортировать. Можете на меня пожаловаться.

– Знаете, это первое, что я сделаю, если вы будете упорствовать, – заверил Форменный. – Надеюсь, вы понимаете, что он совершил убийство?

Кто?..

– А вы спросите его об этом, – как-то ядовито предложил Форменному Штырь. – Задайте ему вопрос: «Зачем ты это сделал?» Тут-то и выяснятся причины, подвигшие неразвитую личность взять в руки оружие. Историю болезни этого ребенка я знаю очень хорошо.

Форменный долго смотрел в лицо старику, а потом выдал:

– Вы очень, очень странный человек, доктор. Очень странный.

– Вот только не надо этого... – Штырь поморщился и отмахнулся от злого майора так, как обычно отмахивается дед Филька от Артура и Машки, когда они просят отвязать от причала лодку. – Не надо... За связь с английской разведкой сорок лет назад я уже расплатился. Амнистировали за два месяца до звонка, то бишь до освобождения. А так – все, как у людей. Десять лет «без права переписки». Так что оставьте... Ребенок будет здесь на обследовании столько, сколько я, как врач, сочту нужным. Знаете, мой авторитет столь велик, что ни один из докторов области, зная, что ребенок находился у меня, не примет его без моих личных рекомендаций к лечению. А ничего подписывать я не собираюсь. Раз так, то вряд ли кто-то из моих благоразумных коллег возьмется лечить Малькова Артура, не имея на руках диагноза, мною поставленного. Можете идти и докладывать свои сомнения относительно моих странностей руководству.

Кажется, Штырь наезжал. Когда кто-то кому-то грубил, папа иногда говорил – «наезжает», хотя Артур не видел поблизости ни телеги, ни машины.

– Придется воспользоваться вашим советом, – Форменный встал и пошел к двери.

Штырь промолчал, наверное, на этот раз Форменный ему угодил.

– Когда папа придет? – спросил Артур, когда в палате остался он и Штырь с двумя женщинами.

Пожилая дотянулась и осторожно погладила его по голове.

– Папа обязательно придет, а ты выздоравливай. Но... не торопись. Выздоровливать нужно... медленно, чтобы никогда больше не болеть. Поторопишься – потом хуже будет... Правильно я говорю, доктор?

А-а-а... Это она доктору говорит! Артур удивился. Мама всегда просила его выздоравливать побыстрее, а тут... Что значит – медленно? Доктор, наверное, знает, он хороший.

– Через десять минут завтрак, – напомнила тетка.

– Да, конечно... – сказал свою любимую фразу Штырь. – И знаете что, Анна Ивановна... У меня в сумке клубника со сливками и печенье... Кашу мальчик сейчас вряд ли есть будет, а вот хлеб с маслом и клубнику ему принесите. Хорошо?

– Обязательно, Владимир Владимирович.

Ну, вот. Теперь понятно. Штыря зовут Влади-ми-ром Влади-миро-вичем. Так длинно и не выговариваемо, что пусть он лучше остается Штырем.

Бросив на кровать стопку одежды, Штырь распорядился:

– Облачайся, каторжанин. Только быстро.

– Куда?

– Все потом, – дойдя до двери, Штырь выглянул за дверь. – У тебя в распоряжении ровно одна минута.

Знакомая фраза. Нечто подобное частенько повторял отец, когда видел разлитое молоко или разбитую чашку.

Одеваться в чужую одежду было не очень приятно, хоть она и была новая. Настолько новая, что доктор даже позабыл оторвать от штанов картонный ярлык. Этот недостаток устранил Артур, впившись в нитку зубами.

– Готов? А теперь – рот на замок. Поймают – пойдем разными этапами, но в одном направлении.

Ох, уж этот Штырь!.. А попроще никак нельзя? Ладно, ведут – идем. В любом случае это лучше, чем ждать утра и этой, почему-то возненавидевшей его тетки со шприцом в руке.

Штырь вел мальчишку по коридору, держась у самой стены. Едва они вышли на площадку перед лестницей, Штырь дернулся назад и затолкнул себя и Артура в пустую палату. Почти в такую же, из которой ушли, только кроватей тут было две, и к ним были примотаны какие-то широкие потертые ремни. Артуру в палате не понравилось, но еще больше не нравилось то, что Штырь передвигается по больнице, как разведчик.

Мимо палаты протопали шаги.

Выглянув наружу, Штырь подхватил Артура на руки, пробормотал совершенно непонятную фразу – «хер вам с локоть», вышел и стал быстро спускаться вниз. Лицо Артура было прижато к плечу старика, он ничего не видел, поэтому улицу он почувствовал лишь на запах.

По колыханию тела Штыря Артур понял, что тот бежит. Еще пара торопливых шагов, и он опустил его на асфальт.

– Черт, носки я тебе забыл под сандалии купить... Вот что, арестант, прыгай сюда.

Артур с ужасом посмотрел на распахнутый до отказа багажник легковой машины.

– Так надо, Малек.

– Мы к папе едем? – Артур был готов ехать багажом лишь при таком варианте.

Штырь присел перед мальчишкой.

– Нет. Но... так нужно. Послушай меня, Малек... В дороге может всякое случиться, поэтому у меня к тебе одна просьба. Если кто-нибудь тебя спросит, как тебя зовут, говори, что тебя зовут Романом. Ромой, понял?

Не говоря больше ни слова, Штырь поднял Артура и опустил в нутро машины.

У папы тоже была машина, но Артуру никогда не приходилось видеть, как он кладет в багажник матрас и подушку. Здесь было и то, и другое.

– Ничего не бойся, – попросил доктор перед тем, как аккуратно захлопнуть крышку. – Одиночества не страшись, через десять минут я тебя отсюда выну.

Еще через десять минут тряска закончилась, хлопнула дверца и багажник открылся.

– Мне бы твое здоровье... – прокряхтел доктор, аккуратно вынимая спящего мальчишку из багажника.

Сто пятьдесят километров туда, сто пятьдесят – обратно.

Сейчас он вез Артура Малькова, сына известного боксера, в Новосибирск. Его отец арестован по подозрению в убийстве двоих человек, убивших его мать. Страшная история семьи, стремящаяся перечеркнуть последнюю в этой семье жизнь. Если удастся хоть что-то сберечь от рока, то пусть это будет несмышленный ребенок, совершенно не понимающий, куда его везут и зачем. Его мама на небе, отец на земле, но прикоснуться к нему невозможно так же, как и к ней.

Усольцев Владимир Владимирович, главврач Ордынской больницы, везет сына совершенно незнакомого ему человека к своему старому другу. Тот моложе на десять лет, и у него есть еще один плюс. Сергей Коломиец – директор детского дома в Новосибирске. А есть ли лучшее место, чтобы спрятать от правосудия маленького ребенка с песцовым зайцем в руках? Сын Малькова оказался бы в детском доме в любом случае, но, учитывая несколько моментов, следует позабыть сомнения в том, что в Новосибирске Арту... Роме будет лучше. Этот несмышленьш, неуверенно завязывающий на ботинках шнурки, за шесть лет жизни сумел нажить себе столько врагов, сколько Усольцев не нажил за семьдесят...

Коломиец после звонка все понял, понимать друг друга они начали еще в далеких тридцатых, когда на прииске в Бодайбо долбили вечную мерзлоту и добывали золото для страны.

Доктору нужно было успеть к утренней пятиминутке.

Но он не успеет. Не доедет до своей больницы ровно пятнадцать километров. Когда он будет возвращаться обратно, его «Волга» потеряет управление и вылетит на полосу встречного движения.

Через час после дорожно-транспортного происшествия усатый майор с кожаной папкой в руке будет стоять на дороге над валяющимися в кювете, искореженными и выгоревшими дотла грузовым и легковым автомобилями и думать над тем, куда мог везти убийцу и сына убийцы, Артура Малькова, старый профессор.

Отвез он мальчишку или нет?

Очень трудно сейчас майору ответить на этот вопрос. Судьбе было угодно, чтобы упрямый профессор из тысячи возможных встречных машин столкнулся именно с двадцатитонным бензовозом, чей танк был до горловины заполнен топливом. И теперь можно считать большой удачей, если в радиусе пятисот метров они что-нибудь обнаружат. Было бы очень хорошо, если бы обнаружили. Таким образом подтвердились бы показания Ани Богомольцевой, старшей медсестры из клиники, которая видела ночью, как старый профессор укладывал в багажник «Волги» мальчишку Малькова...

Приближался рассвет 16 августа 1978 года...

Глава 1

Лас-Вегас, США...

Наступал вечер 16 июля 2003 года.

Молодой вице-президент посреднической организации «Хэммет Старс Аренум» Рой Флеммер находился в самом отвратительном расположении духа за последние три недели. Конец июня и половина июля поставили большой вопрос над его карьерой перспективного организатора. Бой Льюиса с Кличко срывался, и это уже третий случай подряд, когда Флеммер ставил крап на репутацию «Хэммет Старс». Время шло, а встреча, назначенная на восьмое сентября, по-прежнему оставалась химерой. То Леннокс посчитает, что Кличко не достоин того, чтобы быть претендентом на звание чемпиона по версии WBC, то агенты Кличко Виталия сообщают, что у того повреждено плечо. Если так продолжится до начала осени, то у Флеммера будет лишь одна перспектива – отправляться в Нью-Йорк и организовывать бои без правил среди шпаны в Южном Бронксе.

Билеты на встречу уже проданы, а Льюис все капризничает. По всему Вегасу расклеены афиши, телереклама заполнена портретами могучих боксеров – супертяжеловесов... Белый и черный, уже в этом есть интрига: кто кого... Льюис на всех картинках смотрит на Кличко исподлобья, а Виталий все никак не может найти массажиста, чтобы тот привел в порядок его левую руку. Кажется, интрига достигла своего апогея... Директор Малькольм нервничает, публика беснует, а он, Флеммер, сидит в приемной Малькольма и до сих пор не может дать ответ на вопрос – состоится восьмого сентября бой за звание чемпиона мира по версии WBC или нет!..

Зачем президент его вызвал? Чтобы уже в третий раз подряд сообщить о том, что, если бой не состоится, Флеммер будет свободным от обязанностей человеком?

– Сондра, может быть, мистер Малькольм не приедет?

Не отрываясь от ноутбука, длинноногая красотка Сондра смотрит на Флеммера, как на неудачника, хоть и старается всячески это скрывать, и давит из себя мысль:

– Если мистер Малькольм сказал, что будет к шести часам, то это означает лишь одно. К шести часам он будет.

Малькольм в свои шестьдесят три чересчур ревнив, причем его ревность распространяется не на тридцативосьмилетнюю супругу, а именно на эту красотку. Может, зарядить за ней пару детективов да доставить Стиву набор фотографий?

Почему-то Флеммер уверен в том, что проституция – это не вынужденная мера. Это потребность, а раз так, то мисс Сондра не устоит перед предложением лечь в койку за тысячу баксов. Неважно с кем, в крайнем случае, к ней можно будет пристроить любого, желающие есть... Тысячу ему плюс тысячу Сондре. Вот будет... сюрприз.

Однако на сегодняшний момент лучше заниматься не отлучением секретарши от босса, а собственным реноме. Сондра никуда не денется. Чем старше Малькольм, тем больше он сходит с ума от этой девчонки. Тем больше теряет голову, тем менее внимателен. Но все-таки зачем он его вызвал? Если бы хотел публично линчевать, собрал бы всех. И не в шесть вечера, а в десять утра.

Дотянувшись до столика, Флеммер раздраженно выдернул из стопки журналов один и стал листать его с видом малахольного пациента психиатрической клиники.

До той минуты, как Малькольм вошел в приемную, Флеммер успел поймать на себе два насмешливых взгляда. Нет, определенно, эту шлюшку пора отлучать от кормушки...

– Рой, очень хорошо, что ты уже здесь. Зайди, есть разговор.

Флеммер почувствовал прилив сил. Если это прелюдия к увольнению, то очень яркая. Яркая для привыкшего взвешивать каждое свое слово Малькольма.

Собственно, это был кабинет Малькольма, однако именно здесь собирались все члены «Хэммет Старс Аренум» для вершения великих дел. В этом круглом помещении свершались сделки стоимостью в сотни миллионов долларов, здесь договаривались об исторических боях и обсуждалась политика организации.

– Садись, Рой, – качнувшись в кресле, как в качалке, босс отвалился на спинку высокого кресла и снял трубку внутреннего телефона. – Мисс Сондра, мистер Вайс пришел?

– Да, – ответила она...

Какого черта старик вызвал начальника службы безопасности «Хэммет Старс»?

Флеммер почувствовал, как повлажнели ладони, поэтому платок пришлось применить вторично. Почему Стив не зовет Вайса сразу, а держит под дверями? Вот незадача... Несколько головоломков подряд под конец рабочего дня.

– Рой, я собрал вас с мистером Вайсом по причине внезапно появившейся проблемы. Внимательный Билл Зитакер, наш финансовый директор, среди тысяч бумажек, хранящихся в его архиве, нашел один очень интересный документ. От того, как мы поступим в ближайшие недели, зависит многое. После того как я поведу тебе фабулу дела, хочу, чтобы ты проникся уважением к моим словам... Но, если ты, вместо того чтобы проникнуться темой, опять отбудишь на Майами, якобы устраивать бой Витакера с Шенноном, и вместо дел начнешь там в номере отеля развлекаться с прибрежными шлюхами, я окончательно потеряю к тебе уважение.

– Стив, это недоразумение...

– В истории Америки было только одно недоразумение. Когда придурок Ли Харви Освальд из своего окна стрелял голубей и попал в Джона Кеннеди. Все остальное легко объясняется. Ты – член моей семьи. Семьи если не кровной, то деловой, а деловая семья для мужчины – главное, после семьи кровной. Если я, вместо миссис Малькольм, трахаю мисс Сондру, то это никоим образом не отражается ни на деле, ни на семье. Если лет через двадцать черти утопят меня в котле со смолой, то об этом никто, кроме меня и чертей, не узнает. Ты же возвращаешься к моей дочери с помадой на животе, а ко мне в кабинет приходишь с плаксивой миной на лице. Рой, если тебя в Майами ласкают две красавицы, то это не по причине твоей неотразимой внешности, а из-за того, что это кому-то нужно. Я дам тебе сейчас единственный шанс исправить положение.

Через секунду после того, как Вайс сел на стул чуть поодаль от босса, ситуация прояснилась, и вице-президент почувствовал облегчение. Речь шла о какой-то сделке, которая уже давно потонула в анналах истории. Не желая, чтобы к его авторитету неудачника добавилось реноме тупицы, Флеммер заставил себя сосредоточиться и стал вслушиваться в монолог тестя.

– ...История началась в одна тысяча девятьсот семьдесят седьмом году, в январе месяце. Если быть более точным – восьмого января. «Хэммет Старс» тогда управлял мой отец, а я, мистер Флеммер, находился на посту, который сейчас занимаете вы. Восьмого января в Вегас прибыла советская сборная по боксу для участия в чемпионате мира. Вы, мистер Флеммер, те времена помните плохо, если так можно сказать по отношению к человеку, которому к тому времени исполнилось целых два года. Но эти времена, наверное, хорошо помнит мистер Вайс. И как ветеран вьетнамской войны, и просто как шестидесятилетний американец. И он может вам рассказать, мистер Флеммер, как в то время развивались американо-советские отношения. Вы что-нибудь знаете о «холодной войне», мистер Флеммер?

– Да, конечно, – ответил Рой. – Коммунизм, Сталин... Ядерная опасность. «К-19»...

– Вот что значит факультет политологии Гарварда! – ядовито заметил Малькольм. – Вы, Флеммер, Гарвард заканчивали?

Рой опять вытер губы. Тесть прекрасно знал, что Рой заканчивал Гарвард. Старик не упускал ни одного случая, чтобы уколоть зятя. Причем не имело значения, где это происходило – на приеме у сенатора Невады, в тесном семейном кругу или на работе. Да ему, Флеммеру, плевать на международную политику Картера!

– Русские держались обособленно и в город не выходили, – между тем продолжал Малькольм. – До последнего момента их прибытие на чемпионат вообще ставилось под вопрос. Но они прибыли и тем вызвали неслыханный интерес к себе, так как это был, пожалуй, первый в истории случай, когда американец мог посмотреть на русского боксера не по телевизору. Понятно, что чемпионат не мог не вызвать у нас интереса, и я прибыл на него от «Хэммет Старс» с целью подыскать новые контракты для компании. Не было и речи о том, чтобы договориться с кем-то из русских, однако вскоре произошли события, которые заставили меня посмотреть на это по-другому. Профессиональный бокс для русской команды был сродни преступлению, очередным эпизодом нашего капиталистического образа мышления. А нам было крайне интересно, как проявят себя на любительском ринге они. Не было и речи о том, чтобы с ними пообщаться. Тренеры русских, несмотря на то, что им был полностью открыт выход в город, держали боксеров под замком...

Президент дотянулся до ящика на углу стола и вынул из него сигару. За то время, пока он срезал кончик, щелкая очень похожими на гильотину ножницами, раскуривал сигару, Флеммер успел дважды вытереть предательски выступающий пот. Ему было совершенно непонятно, зачем тесть углубился в маразматические воспоминания двадцатипятилетней давности.

– Но то, что не сумели сделать журналисты, сумел сделать я. После того, как некто Виктор Мальков, член сборной СССР в тяжелом весе, положил на пол четверых боксеров подряд, включая нашего Ронни Брауна, мой папа позвонил мне и сказал: «Сынок, международные отношения между нами не fuck off какие, но, если ты организуешь бой этого Малькова на профессиональном ринге в Вегасе, я вывешу твой портрет в коридоре «Хэммет Старс» среди самых славных представителей рода».

«Что-то я не припоминаю, чтобы в коридоре «Хэммет Старс» висел портрет тестя», – подумал Рой.

– И я сделал невозможное. Переодевшись в форму уборщика, я пробрался в номер к Малькову и предложил ему три миллиона долларов лишь за то, что он выйдет на ринг с Майклом Саттером. Или с Энди Байкером. Или с Кувалдой Болтоном. На выбор. Просто выйдет... – Малькольм выпустил половину сигарного глотка перед собой, отчего его рассказ принял мистический оттенок, а другую половину втянул в легкие. – Одно лишь объявление о том, что советский боксер выйдет на профессиональный ринг под эгидой WBC, могло принести «Хэммет Старс» сотни миллионов долларов. Аккредитации телекомпаний, телевидение, радио, интервью... Да чего там! – одни билеты можно было продавать по пять сотен! Мой отец, человек, как вы, мистер Флеммер, догадываетесь, весьма неглупый, провел первичные расчеты и подсчитал, что его компания на одном бое с чемпионом мира Мальковым могла рассчитывать на сумму, приближающуюся к двумстам миллионам долларов. Вы хорошо себе представляете, мистер Флеммер, что такое двести миллионов долларов в семьдесят седьмом году? А что такое три миллиона долларов для боксера, которого просят лишь выйти на ринг и не требуют ни лечь, ни победить?

– И?.. – вырвалось у Роя, который стал догадываться, почему в коридоре нет портрета тестя.

– Он отказался, – просто ответил Малькольм. – Посмотрел на меня, как на идиота, потом улыбнулся и спросил: «А зачем мне это?» Я уточнил: «Зачем вам три миллиона долларов?» Спорить он не стал. «Я выступаю не за деньги, – сказал Мальков, – за моей спиной флаг СССР».

– Идиот, – подтвердил вице-президент, сияющийся понять, какое он имеет отношение к воспоминаниям Малькольма и взрыву патриотизма советского боксера двадцатипятилетней давности...

Тесть, пыхнув сигарой, продолжал:

– Мы вывешиваем флаги страны на своих домах, в глазах рябит от звезд и полос, но за тысячу долларов любой готов под кинокамерой раздеться догола на лужайке перед своим

жилищем и флагом. А вот русские флаги не вывешивают. Они их спиной чувствуют. Мальков стал чемпионом мира и уехал домой. А мой отец отправил меня в Лос-Анджелес, устраивать бои категории «В», чтобы в следующий раз, когда зайдет речь о возможном обогащении компании на двести миллионов долларов, я был более настойчивым и дееспособным. Вернул меня из Лос-Анджелеса только через полтора года...

«А зря», – едва не вырвалось у Роя.

– В апреле семьдесят восьмого года мне позвонил Виктор Мальков и заявил, что готов принять мое предложение, если оно до сих пор осталось в силе.

– Это как? – удивился Рой.

– В апреле русские летели на чемпионат Европы во Францию, и Виктор Мальков сказал, что готов встретиться со мной там, поскольку иной вариант переговоров исключен. Можно представить, как обрадовался я и как обрадовался мой отец... Я, обеспеченный финансовыми полномочиями, прилетел в Марсель за два дня до прибытия сборной СССР. Сидел в номере и все думал, как у нас с русским пойдет разговор. Эти парни – очень странные люди, и я был готов к любым неожиданностям. И, будучи готовым ко всему, Мальков все-таки сумел выбить меня из седла...

Рой Флеммер почувствовал, что его клонит ко сну. Еще пять минут воспоминаний, и он упадет на мраморную столешницу тестя, проломив ее лбом. Окончательно расслабиться мешало лишь понимание того, что старик не мог превратиться в маразматика за те последние восемь часов, пока Рой его не видел. Стив Малькольм и раньше был склонен к словоблудию, однако в конце каждого разговора, как правило, он любил выворачивать тему так, что концовка обещала если не шок, то стимул к работе – точно. Что будет на сей раз?..

– Мы встретились в его номере, когда он, сказавшись уставшим, отказался от экскурсии в Руан по местам боевой славы Жанны Д'Арк. Вы знаете, кто такая Жанна Д'Арк, мистер Флеммер? Шучу, шучу, откуда вам знать...

– Я согласен выйти на профессиональный ринг в Вегасе, – сказал Мальков, – более того, мне совершенно безразлично, кого вы выставите против меня. Я побью любого в моем весе. Вы предложили мне три миллиона долларов за один лишь выход. Сколько вы предложите мне за победу?

– Могу заверить, что речь идет о двадцати миллионах, если вы примете особые условия контракта, – сказал ему я, холодея душой. – Но вы даете себе отчет в том, что, если вы выйдете на ринг в Вегасе, вы уже никогда не вернетесь домой?

– Именно об этом я и думаю, когда спрашиваю вас о цене моей победы, – подтвердил он. – Я хочу обеспечить будущее себе и своему сыну, поэтому приеду в США не только для того, чтобы выйти на ринг, но и для того, чтобы остаться в ринге до конца моей карьеры.

Об этом мой отец мог лишь мечтать. Русский боксер в США – это больше того, что он мог предполагать в своих самых сокровенных мечтах.

– Но мне нужны гарантии того, что по приезду в Америку у меня не возникнет проблем. Лишиться родины и стать жертвой обстоятельств – не входит в мои планы, мистер Малькольм.

– Что же вы предлагаете? – спросил я, понимая справедливость его требований.

– Банковские гарантии.

В этот момент некоторую опаску стал ощущать я. И слава богу, что русский боксер, в свою очередь, понял справедливость такой опаски.

– Сделаем следующее, – предложил он. – Три миллиона долларов, которые я могу заработать лишь тем, что выйду на ринг в Лас-Вегасе, вы положите в любой банк Марселя на имя моего сына. Ему сейчас шесть лет, и до того момента, когда он сможет получить эти деньги самостоятельно, я успею выйти на ринг при любых сложившихся обстоятельствах. Это будет гарантией того, что я, приехав в США и попросив у вас политическое убежище, не стану жертвой обстоятельств и не превращу жизнь своего ребенка в ад.

– Вы хорошо понимаете свою ответственность в том случае, если по каким-либо причинам вы нарушите контракт и откажетесь выступать? – спросил я на всякий случай. – Условия этого договора предадутся огласке, вы будете вызваны в международный суд в качестве ответчика, с вас будут взысканы три миллиона долларов США, и тогда ваша жизнь превратится в еще больший ад. Только теперь уже дома, в Союзе?

– Понимаю, – улыбнулся он. – Но я не люблю полумеры. Я хочу не три миллиона, а тридцать. Если бы было по-другому, наш разговор не имел бы смысла...

Малькольм откинулся на спинку кресла, и на его лице появилось выражение, которое появляется на лице человека, у которого в метро вытащили бумажник. Только теперь, по прошествии времени, оно было сдобрено снисходительной насмешкой.

– Я был молод, мистер Флеммер... Амбициозен, честолюбив и... И молод, – немного подумав, президент воткнул сигару в черепаховую пепельницу и размял ее до состояния трухи. – Именно поэтому вы и не видите моего портрета среди великих людей «Хэммет Старс». Мы с Мальковым оформили договор, по условиям которого он выходит на ринг в качестве претендента на пояс чемпиона мира по версии WBC и его агентом становится человек от «Хэммет Старс», а в качестве гарантии выполнения обязательств со стороны «Хэммет Старс» компания перечисляет в марсельский банк на имя Артура Викторовича Малькова, сына русского боксера, три миллиона долларов. Мальков привез с собой отпечатки пальцев шестилетнего Артура, и теперь в банке деньги мог получить лишь человек, предъявивший идентичные отпечатки пальцев. Не назвавшийся Артуром Мальковым и предъявивший свои – уточняю, отпечатки, а отпечатки Артура Малькова. Ведь за это время что-то могло случиться и с Артуром, правильно? Тогда, выполнив условия договора, деньги смог бы получить отец.

– А к чему были эти манипуляции с дактокартами? – не выдержал Рой, уже заинтересовавшийся произошедшими четверть века назад событиями. – Я не понял.

– А что тут непонятного? – Президент покусал губу и насмешливо посмотрел на Флеммера. – Мальков сказал, что в том случае, если он выйдет на ринг и произойдет нечто непредвиденное, например, его смерть, его сын должен быть обеспеченным человеком. Согласитесь, мистер Флеммер, если Мальков выйдет на ринг, то свои условия он выполнит. Но если он случайно погибнет, то удовольствие от этого получит лишь публика. В этом случае если награда не достанется ему, то сын должен остаться обеспеченным человеком... Какое бы он ни носил впоследствии имя – отец предусмотрел и это, Артур, став взрослым, смог бы легко обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь. – На секунду остановив взгляд на зяте, Стив Малькольм не выдержал: – Знаете, Флеммер, именно по той причине, что вы не понимаете мыслей русского, я категорически против того, чтобы Мэри рожала. Идиот русский любит своего сына гораздо больше, нежели пораженный демократическими свободами американец. А в том, что он не просто верен своей семье, а верен ей безгранично, я понял через четыре месяца после того, как подписал с ним контракт. Я хотел бы, чтобы вы, Флеммер, любили бы свою семью так же, как любил ее этот русский...

Я понял, что слишком молод для этих дел, несмотря на свои тридцать восемь лет, лишь спустя два месяца. Сразу после подписания контракта Мальков неожиданно исчез из моего поля зрения. Я искал информацию о нем в советском Спорткомитете, в Федерации бокса СССР, но все было тщетно. Взволнованный таким ходом событий, я направил в Союз одного из наших людей, вхожего в спортивный мир по ту сторону океана. И тут выяснилось абсолютно все...

Малькольм встал и подошел к окну. На фоне вечернего неба Вегаса и миллионов разноцветных огней никогда не спящего города он казался гораздо тучнее, чем был.

– За два месяца до запланированного приезда Малькова в Марсель трое подонков убили на улице его жену. Ограбили, сняли украшения и убили. Виктор Мальков ехал в Марсель,

зная заранее, что никогда не выйдет на ринг Лас-Вегаса. Остаток жизни он посвятил поиску негодяев и мести. Он разменял миллионы долларов на месть за жену...

Первого он нашел где-то под Москвой, второго в Сибири. Оставался третий, но найти его он уже не успел. Его арестовали...

– КГБ? – глухим голосом спросил Флеммер.

– Какая разница? КГБ, полиция, милиция... Шестнадцатого августа одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого года он был арестован, водворен в тюрьму, а через одиннадцать месяцев расстрелян. По моей информации, двое убитых были виновны в смерти жены Малькова, они были забиты насмерть без применения оружия. Руками... Остается лишь догадываться о том, что случилось бы с Кувалдой Болтоном, если бы Виктор Мальков все-таки вышел против него восьмого января семьдесят девятого года. Но он не вышел...

Флеммер выждал ровно столько времени, сколько нужно было, по его мнению, чтобы пережить потрясение от услышанного, и осторожно справился:

– Стив, я очень впечатлен твоим рассказом, но я хотел бы уточнить одну мелочь... При чем здесь я?

Малькольм резко развернулся от окна, прошел к столу и так же резко сел в кресло. Оно униженно закрипело, словно заявляя о том, что уже тысячу раз просило хозяина не падать в него с разбега.

– Сумма в три миллиона долларов, что я превратил в банковский вклад на имя Артура Малькова, сына Виктора, за четверть века утроилась. На данный момент она составляет что-то около девяти миллионов девятисот тысяч долларов. Если по истечении двадцати пяти лет на именной вклад, оформленный без присутствия лица, в пользу которого вклад осуществляется, это лицо не заявляет своих прав, то, по долбаным французским законам, вклад становится собственностью банка.

Малькольм снова выбрался из кресла. Подошел к стене, где висел портрет отца, поправил его и посмотрел на руки.

– Эту сучку Сондру нужно заставить протирать в кабинете пыль... Мистер Флеммер, мистер Вайс, сейчас по просторам страны Советов, по необъятной территории России шагает, веселится и работает, страдает и восхищается жизнью человек по имени Артур Мальков. Сын выдающегося боксера современности, самого лучшего боксера, самого умного парня, самого заботливого отца из всех, кого я знаю. Человека, убитого властью за то, что убил убийц. Боже, как все сложно, необъяснимо и тошно в этом мире... Рой, я хочу, чтобы вы нашли мне Артура и убедили в том, что из девяти миллионов девятисот тысяч долларов, находящихся на счету в марсельском банке, ему принадлежит лишь три.

– За что?! За что три миллиона?.. – не поверил своим ушам Флеммер.

Малькольм будто сжег его взглядом:

– За то, что его отец любил сына так, как не дано никому. Во всяком случае, мне такие случаи не известны.

– А если, узнав правду, он откажется отдавать деньги? – вскричал Рой. – Я бы, например, отказался!

Малькольм посмотрел на зятя взглядом льва:

– Не сомневаюсь. Но, если все-таки Мальков-младший откажется, тогда вам на помощь придет мистер Вайс. Однако я надеюсь на то, что молодой человек окажется умен настолько же, насколько был умен его отец. С завтрашнего дня начнется обратный отсчет тридцати дней, по истечению которых мои деньги станут собственностью долбанных французов. А я не хочу дарить суммы в десять миллионов долларов заживевшим мсье... Что-то еще неясно?

– Черт, Стив!.. – вырвалось у Флеммера. – Тридцать дней. А пораньше нельзя было рассказать этот триллер?

– Можно было бы и пораньше, если бы мне самому пораньше об этом напомнили, – Малькольм вернулся в кресло. – Сегодня утром мне, как человеку, совершившему вклад, пришло из Марсельского банка уведомление о том, что если у них в течение тридцати ближайших суток не появится человек с отпечатками пальцев, идентичными тем, что находятся у них, то сумма вклада обращается в пользу банка. А откуда, по-вашему, я мог бы узнать о том, что сумма утроилась?

Положив ладонь на стол, он увидел, что рука дрожит...

– Я не думал, что двадцать пять лет пролетят так скоро... Это – Вегас...

Глава 2

Вереснянск, Россия...

Никто не мог понять, как в человеке по имени Роман Гулько могут сочетаться воровская хитрость и внешний лоск... Эти два качества сводили с ума в равной степени как оперативников из местного УБОПа, так и городских красавиц. В свои тридцать два высокий молодой человек мог и в перестрелке поучаствовать, и барыгу наказать, и на рояле сыграть, и после полкило «смирновки» Высоцкого спеть, и Есенина прочитать. А детдомовских друзей, корешей и тех, кто знал Рома поближе, такое несоответствие не пугало. Рома и наиболее близкие ему люди не поступали в институты, чтобы закосить от армейской службы, и не платили терапевтам за диагноз, несовместимый с военной службой. Встать в строй призывников им помешала тюрьма. Некоторые из тех, кто не расставался с Гулько вот уже пятнадцать лет, побывали в двух подобных «командировках», некоторые – в трех. Сам Рома побывал за колючей проволокой однажды. Пять лет, честно заработанных им за убийство зарвавшегося урки на территории автовокзала, научили его, как ни странно, подходить к роялю со стороны клавиш и быстро запоминать стихи. Попав в поселок Горный, что в Новосибирской области, Рома через две недели оказался под «крылом» тогдашнего положенца Степного – вора исключительного во всех отношениях.

Степному, не избалованному в детстве грамотой и «искусствами», молодой парень понравился своей непримиримостью к административным порядкам в колонии, и потому, заметив в молодом человеке характер, намерился дать ему то, чего был долгие годы лишен сам. Дело не в сентиментальности шестидесятилетнего бандюка, воровавшего в советские времена не кошельки, но вагоны, а в будущем. Степной любил создавать себе задел на будущие времена. Как обычно, те времена наступают быстро, и, если не успеть подготовить базу, можно остаться не у дел. Именно по этой причине Степного знали в России все, кто правильно понимает значение слова «вор». Не разделять и властвовать, а воспитывать и выпускать в жизнь – вот девиз Степного, настоящей фамилии которого не знали не только окружающие, но и, наверное, он сам. Вор быстро решил вопрос обустройства Гулько, и Рома все пять лет учился тому, чем не овладел бы на воле и за десять. Сукой парень никогда не был, передачи с воли в одиночку не хавал, не в свои дела не лез, при разговоре с контролерами, «кумовьями» и «хозяином» от предложенных сигарет отказывался, так что по всем понятиям был человеком. Человеком и вышел. И теперь, когда среди какой-нибудь доброй смычки с гостями из других городов садился в ресторане за рояль – не в падлу садился, не за ради выпендрежа, а ради собственного удовольствия, братки открывали рты, а телки падали... Кровь Рома не любил. Не то чтобы боялся, кровь его не страшила, как ничто в этом мире. Просто Рома очень хорошо помнил, за что пятерик лямку тянул... Убивать просто, сложно объяснить, почему ты не нашел другого способа вернуть правду. За мать или отца Рома глотку, пожалуй, и порвал бы, да не помнил их, не помнил, где родился, а поэтому исключалась сама возможность мести за убийство. Но мир, в котором он правил и разрешал, живет по своим правилам. Есть поступки, которые мог простить он сам, но не могли простить правила.

Вот и сейчас, когда он привез своего держателя общака Захара Большого в лес, он свято верил в то, что можно обойтись и без крови. Однако правила требовали – урой. Можно было дать Большому месяц, и общак был бы восстановлен, однако правила строго указывали на то, что в таких случаях общак восстанавливается без участия того, кто его утерял. Впрочем... Впрочем, если бы утерял... Если бы было действительно так, то Рома пошел бы вопреки правилам. Он бы дал месяц. Но Большой деньги братвы не утерял. Общаконскую мошну не менты вытрясли, не отморозки-гастролеры хату Захарки обнесли, поляны не разбирая, что можно было бы обосновать и дать срок выпрямить ситуацию. Все было бы по-другому, если бы Боль-

шой не оказался самой настоящей «крысой». Разве можно деньги, заработанные пацанами потом и кровью и отданные тебе, как наиболее честному, на сохранение, вкладывать в свой бизнес?

– Выбросьте эту мразь из моей машины, – попросил Рома и шелкнул зажигалкой.

Захар Большой, как куль, вывалился с заднего сиденья на траву после первого же мощного удара в бок.

Обойдя «Мерседес», Ромка посмотрел, как «держателя» подтащили к сосне и бросили спиной на ее ствол. Захар был жалок, но жалости к нему никто не испытывал. Юшка из носа разлилась по белой рубашке красным морем, губы разорваны, правый глаз затек и превратился в маленький резиновый мячик.

– Прости, Рома... Гадом буду, не подумал... Дай искупить перед пацанами...

– Как можно было так поступить, Захар? – поморщившись, тихо выдал Рома.

– Как можно? Неужели, если бы ты пришел и сказал: «Гул, давай денег заработаем!» – я бы отказал? Сняли бы дивиденды, что-то – в общину, что-то – на лобстеров и водку, что-то – на баб... Но как так можно было поступить? Ты же крыса, Захар, самая настоящая крыса... Но знаешь, что меня больше всего бесит в этой ситуации? То, что ты прекрасно знал, что рано или поздно, скорее всего, что – рано, я узнаю о том, что бабки из общака ты впулил на сделку с москвичами, нажил денег, общак вернул на место, а разницу присвоил. И ни слова об этом никому не сказал!

Рома глубоко затянулся сигаретой.

– А москвичи взяли да кинули тебя, бездумного. Ты что, первый день в этом мире? Если с потусторонней братвой разговор за бабки ведет не положенец, а его, не уполномоченный на это, зам – разве можно его не кинуть? – Казалось, от понимания того, что казалось очевидным, Рома даже терялся в словах. – Тебя, дурака, кинули. Бабки взяли, а товар не поставили. Ты его быстро не толкнул, дивидендов не нажил и, как следствие, общак на место не вернул. И сейчас получается, что я должен не «кидал» в столицу ехать резать, а в лес, и – своего человека. Глупо... А попробовали бы москвичи не «тебя», а «нас» провести? У-у-ух... Я бы посмотрел, как бы они стали рака за камень заводить...

Большой замотал головой, как укушенная слепнем лошадь. Замотал и заплакал.

– Прости, Рома...

– Умрешь, тогда прощу... – тихо проговорил Рома. – Жалко тебя, гада... Не видеть бы этого, да не могу. Смотреть обязательно должен. Смотреть, да еще приговаривать – смотрите, пацаны, что бывает, когда... В общем, Захара, что для тебя сейчас сделать? Ты понял, о чем я.

Фома и Крот стояли уже по колено в яме. Вспотели воротники их белых сорочек, но они копали и копали, стремясь выкопать как можно больше земли.

– Дай сигарету... И водки.

– Что-нибудь одно, – отрезал Рома. – Не в кабаке.

– Водки стакан. Нет, сигарету... – Увидев перед собой быстро тлеющие «Мальборо», дрогнул голосом. – Нет, Рома, можно водки?.. Подождите пяток минут, чтоб забрало? Пожалуйста, я прошу, Рома...

Если бы Захар сейчас плакал, вор покривился бы и отошел к машине, давая возможность своим людям закончить все быстро и без заморочек. Но Большой не рыдал и не молил о жизни. Он молил о стакане водки и минуте хмеля.

– Налейте ему стакан, – велел Гул.

Дождаясь, пока отстучит триста секунд, он закрыл глаза и подставил лицо пробивающемуся сквозь чашу ветру.

– Матери не дайте в нищете жить...

Рома едва заметно качнул головой, и Большой понял, что с его матерью все будет в порядке. Ее сын уедет на Север, и потом, вместе с телеграммами, будет ежемесячно слать ей

до самой смерти деньги. Старушка знает – на Севере много зарабатывают. Она будет лишь жаловаться соседкам, что сын, такой-сякой, не может найти недельку, чтобы погостить. Так и преставится в тоскливом ожидании...

Глава 3

Новосибирск...

Пройдясь по комплексу детского дома, Валентин Игоревич окончательно испортил себе настроение. Здание рушилось, до выборов – целый год, в кладовых заканчиваются продукты, а те деньги, на которые следовало закупить очередную партию, ушли на оплату рабочим-калымщикам, отремонтировавшим потолки в отделении для младших ребят. Детский дом был на грани расформирования...

Он вернулся в кабинет.

Раздумья прервались коротким писком громкоговорящего устройства, прикрученного к столу (прикручивать директор стал с прошлой осени, когда двое воспитанников аппарат украли, продали, а деньги пропили). Глубоким голосом секретаря – Инны Матвеевны – устройство осведомилось:

– Валентин Игоревич, вы не заняты?

Да, он чрезвычайно занят. Размышлениями о том, как начать осень так, чтобы его же не посадили за растрату.

– Нет, а что случилось? Махров опять камень в окно райотдела бросил?

– Слава богу, нет. Дима на занятиях. К вам посетитель.

– Пусть войдет, – сдвинув в сторону вертушку с визитками, директор застегнул на пиджаке пуговицу и сложил руки «по-президентски» – обе руки на столе, и одна ладонь – на другой. Для вящей убедительности в чрезмерной деловитости можно было еще слегка склонить голову набок, но, вспомнив, что на счету детдома три тысячи двести пятьдесят рублей и сорок копеек, решил, что это будет чересчур.

Поначалу посетитель Валентина Игоревича разочаровал. Прическа какая-то непонятная и вызывающая – «под Бэкхема». Для возраста гостя, который директор визуально определил как сорок три – сорок пять лет, не очень серьезно... Однако льняной, дорогой костюм и мягкие мокасины впечатление слегка подправили. Потом, у вошедшего в руках был кейс, и если это не налоговый инспектор, то кто...

Впрочем, если бы – инспектор, Инна Матвеевна бы знала и, как могла, предупредила.

– Бедновато живете, – безапелляционно заявил гость.

– Надеюсь, вы не воспитывать меня пришли?

– Что вы... – поморщился виноватой улыбкой полузащитник «Манчестер Юнайтед». – Я так прямо говорю, потому как делать вид, что ничего не происходит, на мой взгляд, подло. Подло, потому что речь идет о десятках бедных детишек. Зайди я в мэрию – глазом бы не моргнул. Раз так живут, значит, нравится. Однако они не бедствуют, я только что оттуда. Не знаете, Валентин Игоревич, зачем секретарю Волосюка два компьютера?

Услышав фамилию мэра, Крутов слегка расслабился.

– Не знаю, зачем, – вздохнув, признался Крутов. – Я всегда думал, что два седла для одного наездника – это много...

Бэкхем рассмеялся. Смех, как и прическа, у него был, словно пневмония, заразительный. Настолько, что директор не выдержал и улыбнулся сам.

– Надо записать, – вытирая слезы, прокряхтел гость и вынул из кейса блокнот.

– В следующем номере обязательно использую.

Дописав перл директора, на который тот сам не обратил бы никакого внимания, он вдруг отложил перо и протянул Крутову руку.

– Мартынов. Андрей Петрович Мартынов. Журналист из питерской газеты «Северная звезда».

– Партийный орган коммунистов, что ли? – озадаченно произнес директор, удивившись тому, что партийцы начали избирательную кампанию за год до срока. Так можно все блага раздать, а электорат эти устремления успеет позабыть. Впрочем, до благ дело сейчас еще не дошло, поэтому удивление Крутова не выглядело, как оторопь. Просто – удивление.

– Упаси бог, – даже возмутился Мартынов. – Подальше от этой каши! Независимая газета, которую недолюбливают в Питере. Работаем, как можем, рассказываем людям правду, вскрываем болячки...

– Можете открывать блокнот, я сейчас снова говорить буду, – предупредил Крутов. – Неужели на том конце страны все стало так хорошо, что вы за ними полезли на второе седло?

Гость снова взорвался хохотом.

– Да у нас тут целый номер получается! Но вы оказались не правы. Не правы... А смысл моего прихода сразу станет для вас ясен, едва я начну рассказ.

Дотянувшись до кейса, журналист Мартынов залез в него и вынул блокнот побольше. Полистав, нашел нужное и поднял на директора глаза.

– В Питере сейчас проживает человек, зовут которого Яков Николаевич Басов. Вы знаете такого?

Директор почувствовал, как у него дернулось где-то под сердцем.

– Яшка?! Он жив?! Он же... Мы же с ним... Девять лет в одном детдоме! У вас есть его телефон?!

– Конечно, есть, – Андрей Петрович лукавым взглядом осадил директора на место и помахал рукой. – Все по порядку. Я тут ради вашей встречи. Редакция решила посвятить месячный выпуск бывшим детдомовцам Петербурга. Знаете, воспоминания, беседа, встреча... Это сейчас так важно для подрастающего поколения. Особенно для тех, кто растет в детдомах... Я сейчас расспрошу вас о Якове Николаевиче под диктофон, а после мы побеседуем о главном, хорошо?

Главное началось через сорок пять минут. Столько крутилась одна из сторон кассеты внутри маленького аппарата.

– Мы хотим проследить жизнь и судьбу тех, кто вырос в детских домах. Сороковые, «шестидесятники», нынешнее поколение. Чем они разнятся, что у них общего? Вот цель целой подборки наших сентябрьских номеров. Знаете, с Яковым Николаевичем... Ах, какой он милый человек, правда?!

Крутов заметно растерялся. Молодой человек сбивал его с мысли своей, бьющей ключом энергией. Заметив это, журналист решил помочь.

– Давайте так... Вы мне рассказали о человеке своего поколения, и это очень хорошо. Теперь давайте вспомним кого-нибудь, кого выпускали вы. Ну, скажем... – Мартынов задумался. – ...Год эдак... Восемьдесят восьмой, а?

– Ну, вы задали задачу!.. – выдохнул Крутов. – Я плохо помню, кого в девяносто восьмом выпускали, а вы... Вы знаете, как у нас архив хранится?! В прошлом году комиссия приехала, искали Зябликова, которого сейчас пытаются из Бразилии экстрадировать, так документы о направлении из детдома только через четыре часа нашли!

– Об этом и говорил Яков Петрович! – опять рассмеялся Мартынов, чем привел Крутова в замешательство. – Это вам. Редакция расщедрилась на пару устройств, так что примите без всяких расписок.

Директор удивленно рассматривал серый корпус новенького, в целлофановой упаковке, ноутбука.

– Так невозможно... Нам нужно будет на баланс поставить... Закрепить...

– Вот и закрепляйте. От имени неизвестного благодетеля. Нам афиша ни к чему, лишние отчеты перед налоговиками. Так мы можем документы посмотреть?

– Там сотни папок, кто вас интересуется? – директор растерялся.

Мартынов постучал ручкой о столешницу.

– Сделаем так. Один из наших сотрудников тоже детдомовский. Сергей Мансур, не слышали? Жаль, толковый журналист. Он говорит, что учился в институте с одним парнем из Вереснянска, который воспитывался в детдоме. Знаете, удар судьбы, неудачно легшие карты... Его увезли в Новосибирск и поместили в один из детских домов... Может, повезет, и окажется так, что он учился у вас?

– Как фамилия парня?

– Мальков. Артур Викторович Мальков.

Директор восхищенно покосился на ноутбук, развел руки и встал из-за стола.

– Знаете, при иных обстоятельствах... Но поскольку я впервые вижу человека, который дарит детдому дорогую вещь, и при этом не является ни бабушкой-блокадницей, ни детдомовским, и предвыборная гонка еще не началась... Я помогу вам во всем, о чем просите. Инна Матвеевна!..

Крутов, оставшись один, присел на краешек стола и тяжелым взглядом уткнулся в плотный целлофан упаковки ноутбука. И даже не обернулся в сторону вошедшего секретаря.

– Странно, Инна Матвеевна... Знаете, мне два года назад звонили однокашники и сказали, что Яшка Басов умер от инфаркта... Жив, курилка, выходит? Вы что-нибудь в компьютере понимаете?

– Можно найти того, кто понимает. Вот подарок, так подарок... – Потеребив мочку уха, она представила себя за компьютером последней модификации. – Куда поставим?

– Да я вот думаю... Сколько он, по-вашему, стоит? Может, продать, да продуктов купить? Так смотришь, и до выборов дотянем?

Глава 4

Коломиец. Эх, Коломиец... Сколько лет ему сейчас? Восемьдесят? Прямо не хочется рассуждать о том, что происходит с памятью в этом возрасте. Неужели придется переписать всех этих, двадцать двух, из списка выпуска восемьдесят восьмого года? А потом по одному вычеркивать: умер, азиат, группа крови не совпадает? У кого-то окажется, родители живы, просто родительских прав лишены... Сколько же времени на это уйдет? Ох, беда...

Кто мог подумать, что возникнет такая лажа с детдомом? Нужно будет связаться с Флеммером, сказать, что ситуация осложнилась, следует и вопрос о гонораре пересмотреть. Десять-пятнадцать процентов к оговоренной сумме будет вполне приемлемо. От их миллионов не убудет, а новая машина в Вегасе для Эндрю Мартенсона лишней не будет.

Дом на Станиславского Мартынов нашел быстро.

– «Северное сияние»...

– Наш общий друг Крутов сказал, что...

– Да вы что? Боже, какое горе. Не в коме? Просто плох? Выберется, обязательно выберется. Раз сталинские лагеря пережил, то тут уж... Я обязательно приеду через неделю, справлюсь о здоровье. Ну, надо же, такое горе...

– Да чтоб тебя скрутило, пень старый!! – вырвалось у Андрея Петровича, когда он вышел из квартиры, в которой проживал Коломиец. – Чтоб ты... Но только не сейчас, дед, не сейчас...

Мартынов заставил себя успокоиться. Негоже терять спокойствие тогда, когда все только еще начинается. А все из-за чего? Та причина, по которой он из России уехал, сейчас его и выводила из себя. Оставаться спокойным в России профессионалу очень трудно. Но никто и не говорил, что будет легко.

Халат и стетоскоп он нашел на первом этаже, в оставленном, по старому русскому обычаю, незапертом кабинете врача-офтальмолога. Зачем офтальмологу стетоскоп? Хотя это – Россия. Написано – «Офтальмолог», а кабинет вполне может занимать терапевт. А кабинет терапевта заставлен каталками с окоченевшими телами – в морге кварцевание.

Не помешала и маска. В эпоху вируса Эбола и азиатских ОРЗ с летальным исходом вполне оправданный элемент формы одежды.

Не нужно никого тревожить вопросами. Во-первых, если ты врач клиники и при этом не знаешь, где находится кардиологическое отделение, то уже через пять минут ты сам будешь отвечать на вопросы. Во-вторых, как выглядит Коломиец, он знает. Фотокарточка старика стояла на столике в тот момент, когда его сморщенная будущая вдова плакала и указывала дорогу до клиники.

То, что положение осложняется еще больше, Мартынов понял уже на входе в отделение с изображением сердца и соответствующей надписью на огромной табличке, больше похожей на транспарант. У дверей стоял молодой человек в форме сержанта милиции и, едва Андрей Петрович двинул свое мощное тело в проем, тут же преградил дорогу.

– Вы к кому?

– К заведомому.

– Кто вы?

Мартынов раздраженно уставился на сержанта презрительным взглядом.

– А, может, мне в кабинет сбегать за дипломом выпускника Тауэрской медицинской академии? Не узнаете меня в гриме? Когда ваш начальник договаривался со мной о выставлении тут поста, он, скорее всего, не имел в виду тот факт, что в отделение не будут запускать и меня тоже. Как вы думаете?

Сержант сделал шаг назад, но Мартынов не торопился.

– Молодой человек, я же просил, чтобы ваши люди были на посту в халатах! Это кардиология! А вы своими пыльными ботинками... Накиньте халат, натяните бахилы. Я же просил...

– А где я все это возьму? – удивился сержант.

Пообещав прислать сестру-хозяйку со всем необходимым, Мартынов спокойной походкой двинулся вдоль коридорных дверей.

Первая палата. Ничего похожего...

Вторая. Три тетki и одна бабка...

Он был похож на главврача, осматривающего собственное хозяйство.

Третья... Оп! – Мартынов резко закрыл дверь. Трое мужиков в зеленых халатах махали двумя утюгами с проводами над чьей-то волосатой грудью. Волосы черные, густые, значит, молодой. Значит, просто не повезло...

Коломийца он нашел в пятой по счету палате. Старик лежал, уставившись полузакрытыми глазами в место соединения потолка со стеной напротив. Различия между оригиналом и фото были незначительны.

– Коломиец, посмотрите на меня!

Старик медленно повернул голову в сторону звука.

– Коломиец, вы меня видите?

– Все хорошо, доктор... У меня есть шанс?

– Есть. Небольшой. Если ответите мне на один вопрос.

– Конечно, доктор...

– Куда делся Артур Мальков?

Старик хотел опереться, но рука соскользнула с кровати и повисла плетью. От неловкого движения он изменил положение и сейчас почти полностью развернулся в сторону Андрея Петровича. Его лицо отражало неподдельный страх. Возможно, некоторую часть ужаса в это выражение добавило нынешнее состояние старика.

– Кто... вы?

– Я рад, что вы в состоянии соображать. Я видел вашу жену, она нынче очень несчастный человек. Думаю, она не переживет, когда до нее сегодня долетит весть о вашей кончине. Но может и не долететь. Где Мальков? В кого вы его клонировали, Коломиец?

Мартынов поднял руку больного и аккуратно положил ее ему на грудь.

– В августе семьдесят восьмого ваш бывший коллега по Бодайбинским лагерям привез вам маленького мальчика, сына известного в то время советского боксера. Вы приняли его у себя. Я знаю, что приняли именно вы! И сейчас хочу знать, в кого преобразовался тот семилетний ребенок и где он находится. Коломиец, не мучайте меня. И жену.

Бывший директор детдома стал искать на груди сердце и в ходе этих поисков бросил мимолетный взгляд на висевшую над их головами капельницу.

Время шло. Ответа не было.

Мартынову такое течение разговора не подходило ни по каким статьям.

– Не заставляйте меня быть извергом, Коломиец. Где Артур?

– Неужели... вы даже сейчас не можете... оставить его... в покое? Мальчик хлебнул...

– Все хлебнули, – перебил Андрей Петрович. – Где он?

– Что вам от него нужно?

Мартынов посмотрел на капельницу.

– Сейчас я выну из вас иглу, и у вас останется не больше минуты, Коломиец. Кем сейчас является Артур Викторович Мальков и где он находится? Быстрее...

На губах старика стал появляться фиолетовый оттенок.

– Я... изменил его документы...

– Это я сегодня уже понял. Дальше.

– Рому...

Мартынов поджал губы.

– Рому... ищи... Дай лека... рство...

– Рому? – Андрей Петрович посмотрел в окно. – Рома... Вот оно что... Был такой, кажется. Как фамилия?

Губы старика одеревенели. Он молча, без единого звука хватал воздух и тянулся рукой к таблеткам на тумбочке.

– Фамилия? Как его фамилия?

Через мгновение Андрей Петрович понял, что не будет ни фамилии, ни дальнейшего разговора. Пилюли нужно было давать старику раньше...

Проследив агонию до конца, Андрей Петрович вынул носовой платок, протер спинку кровати, на которую опирался, заглядывая в лицо больного, и вышел из палаты.

Сержант стоял и наблюдал, как из палаты, соседней с той, в которой находился подследственный, вышел привязчивый главврач. Тот держал у уха телефонную трубку и растолковывал что-то невидимому собеседнику.

– Да, да, Ирина Павловна, внутривенно два куба ноотропила, кавинтон также внутривенно, физраствор... Можно семакс по капле в каждый носовой ход. Нет, антибиотики исключены.

Получивший за время боксерской карьеры что-то около десяти сотрясений мозга, Мартынов знал названия только упомянутых лекарств, не имеющих к кардиологическому отделению совершенно никакого отношения. Сержант же, помнящий лишь «ацетилсалициловую кислоту» по причине того, что «аспирин» было запомнить труднее, с уважением посмотрел на Мартынова.

Остановившись подле стража порядка, продолжающего караулить в дверях покой какого-то больного, Андрей Петрович еще раз строго посмотрел на высокие ботинки стража порядка.

– Сейчас вам принесут бахилы и халат. Но вы уж, пожалуйста, соблюдайте правила...

Халат и стетоскоп он скинул в мусорный бак по пути в детдом, даже не выходя из машины. Протянул руку и выбросил.

Некоторое время на душе лежала тяжесть, но вскоре она сошла.

Вечер наступил гораздо раньше, чем на это рассчитывал Мартынов. За делами время пролетело незаметно, и теперь, когда на часах половина девятого, нужно суметь вовремя остановиться. Мера – главное, что должно двигать человеком, занимающимся негосударственным розыском. А это означает, что ехать домой к Крутову, возвращать его в детский дом для продолжения поиска документов – чрезвычайно глупое и опасное мероприятие. Мужик он, как пришлось убедиться, внимательный. Никак не мог совместить воедино прическу и костюм. Значит, делает выводы, значит, мыслит рационально.

Еще раз посмотрев на часы, Мартынов решил проехаться по городу и найти самую неприемлемую гостиницу.

Приглянулась было гостиница «Север», но она кишела китайцами, как кухня алкоголика тараканами.

В «Сибири» оказался отдельный пост милиции при гостиничном комплексе, а в этом случае не могло даже идти речи о том, чтобы здесь останавливаться.

Хотел приютиться в «Уюте», и даже стал вынимать паспорт гражданина России на имя Белозерцева, но вдруг откуда-то сбоку подвалил какой-то ханыга и заявил, что единственное свободное место в этой «дешевой харчевне» – это в его номере. Он очень рад этому, и у него припасена, специально для этого случая, бутылка перцовки. Администратор подтвердила оба факта, после чего Мартынов молча поднял сумку и вышел наружу. Последний раз он пил перцовку на «строгаче» в Хатанге, и от одного только слова «перцовка» у него возникала устойчивая изжога. Хотя дело, конечно, было не в ней...

В гостинице технического университета до него не было никакого дела, и это радовало. Огорчало лишь отсутствие горячей воды, о чем сообщалось в коротком коммюнике на стекле дежурной по этажу. Развернувшись, Мартынов еще полчаса разъезжал по улицам города, после чего совершенно случайно наткнулся на гостиницу под названием «Центральная». И это заведение устроило американца по всем параметрам.

Быстро раздевшись, Андрей Петрович встал под душ. Он не выходил из него около получаса, нежась под тугими струями горячей воды и тщательно смывая с тела четырехдневную грязь. Последний раз он мылся дома, в Вегасе, и каждый раз воспоминания об этом заставляли побыстрее сделать дело и покинуть страну, где в коридорах гостиниц бродят сутенеры с проститутками... Нет, он не ошибся, когда семь лет назад поменял гражданство. Нет, не ошибся... Ничего тут не изменилось.

Спустился в ресторан, сделал заказ.

Размышления ни о чем были прерваны скрежетом стула слева от стола.

– Брат, не помешаем, если присядем?

Мартынов поднял глаза. Перед ним стояли два амбала и быковато тарасились на его ресторанный котлету и бутылку мартини. Андрей Петрович указал руками на оба свободных стула и быстро оглядел зал. Действительно, в гостиничном ресторане свободных мест было мало.

– Вина, ребята?

«Ребята» прервали свое затяжное молчание и развернулись на голос. Могло показаться, что они молчат, потому что самым внимательнейшим образом кого-то высматривают в ресторане. Но, когда они развернулись вдвоем, Андрей Петрович понял: ничего не делают. И никого не высматривают. Скорее свалили с улицы, чтобы не мозолить кому-то глаза.

Секунду смотрели, потом, как два телка, замотали головой. А еще через минуту начался этот разговор, который с первых слов был настолько бессмысленным, что Андрею Петровичу поначалу почудилось, что по обе стороны от него, жующего, растут два тополя и о чем-то шумят на ветру.

– У Волохи был?

– Был.

– А у Геныча?

– Ага.

– И у Свеклы?

– Ну.

– И че?

– Ниче.

Андрей Петрович ковырнул предпоследний кусок и осторожным взглядом скользнул по двум собеседникам. Он не хотел этого делать – воспитанный блатной школой российских зон характер велел никогда не интересоваться чужими делами, но любопытство взяло верх.

Амбалы по-прежнему сидели боком друг к другу, шатали взглядами стулья в зале и крутили в руках предметы. У одного в ладони блестела связка ключей, по брелочку на которой Мартынов быстро вычислил марку машины – «Лексус», а второй ключей не имел. Он с ловкостью фокусника крутил в мощной пятерне тройку небольших стальных шариков. Движения были настолько молниеносны, что не было слышно ни одного металлического звука.

Выводы появлялись один за другим и наматывались на понимание, как веревка на локоть. Нервничают. Смотреть такими стеклянными глазами на толпу и, одновременно, вращать в руке шары – признак чрезвычайной сдержанности. Второй перебрасывал на пальцах ключи. И перебрасывал, и перебрасывал... И смотрел точно таким же взглядом в зал. Нервничают, но держатся.

Это не быки, это серьезные люди.

Котлета доедена. Разговор вышел на новый уровень.

– Что делать будем?

– Сидеть.

– Смешно сказал. Сейчас, или вообще?

– У Зверобоя шифер посыпался. После Большого он теперь на меня «мошну» вешать начинает. Типа, это я к москвичам дорогу пробивал. Да этот еще, Метла... Сука страшная. Вчера звонил, спрашивал, когда я в последний раз Захара видел.

– И что ты сказал?

– Неделю назад, говорю, в кабаке встретились.

– Да-а-а... Метла – это серьезно. Второй год кружит.

Мартынов решил. Подтянув левый рукав так, чтобы были видны пять точек на запястье, он громко забулькал мартини в пустом стакане и, как бы между прочим, поинтересовался:

– Браты, может, вы мне поможете?

– А?

Заметив зоновский «партак», один из страдалыцев слегка размяк и повторил:

– А?

– Я издалека, – направил мысли собеседников Мартынов. – Парня одного ищу.

Они еще раз, только теперь уже более тщательно, рассмотрели незнакомца. По их подсчетам, все было нормально: костюм на пять милицейских зарплат – значит, не «мусор». «Партак», значит, при понятиях. Если соединить все вместе, то получается очень прилично и даже авторитетно. Если бы еще не эта стрижка... Малопонятная, честно сказать, стрижка. Блатной себя так не взлохматит, а фраер под стильного косить не станет. Если бы не кулаки пудовые да взгляд уверенный, можно было даже предположить, что «голубок»... Однако, свалив все в кучу, двое собеседников твердо уверились в том, что мужик при деле и авторитете. Вероятно даже, при большом авторитете, если позволяет себе носить на голове мелированное сорочье гнездо.

– А как фамилия?

– Мальков.

– А имя?

– Артур.

– Высокий?

– Не очень, – быстро нашел правильный ответ Андрей Петрович.

– Он на «двенашке» ездит? Или на сером «Опеле»?

– Возможно.

– Не, не знаю, – уверенно заявил тот, что с шарами.

– А низкого Артура Малькова знаешь?

– И низкого не знаю.

– А на «Опеле» разве не он ездит?

– Не. Это наш футболист из «Олимпиака». И он не Артур. Он Дима. Хоть и не очень высокий.

Мартынов как-то летал из Вегаса в Одессу, чтобы присмотреть за менеджерами Кличко, и там едва не сошел с ума, разыскивая улицу Ворошилова. Пять подряд остановленных теток вели приблизительно такой же разговор, после чего дом он нашел сам, личным, что называется, сыском.

– А если мне очень нужно найти? Вполне возможно, что я даже рассчитываю потратить на это некоторую сумму.

– Ты знаешь Артура Малькова? – спросил тот, что с шарами, того, что с ключами.

Тот покачал головой, и напарник перевел, специально для Мартынова:

– Он тоже не знает.

Андрей Петрович допил martini, расплатился с официантом и вышел вон.

– Интересный тип, – заметил, проводив его взглядом в спину, один из братков. – Пряма Незнайка из Солнечного города. Он, наверное, думает, что, перед тем как идти в кабак, новосибирская братва таблетки откровения хаваает.

– А ты знаешь Артура Малькова?

– Первый раз слышу. А если бы и знал, то что, сказал бы, что ли?

– Знаешь, Крот, – задумчиво проговорил второй. – У меня в груди такое реальное чувство, что мы его еще увидим.

Кое-что из ресторана, помимо насыщения, Мартынов все-таки вынес. Братки – всегда-таки ресторана – раз. У кого-то пропал общак – два, и сейчас за него «положенец», или даже вор, снимает шкуру со всех подряд. Самые близкие к этой малоприятной процедуре – эти двое. Раз общак «вешали» на какого-то Большого, а теперь не «вешают», значит, вешать больше уже не на кого. «Положенцу», или даже вору по кличке Зверобой сейчас нужно срочно найти крайнего, пока крайним не стал он. Кто-то без росписи Зверобоя замесил тесто со «столичными», спустил общаковые бабки, и сейчас идет разбор полетов на уровне стратосферы.

Нет, правильно Флеммер сделал, что послал именно его. Расшифровка такого ресторанного базара – только для русского ээка. Или мента. Кстати, кто такой Метла, который в Новосибирске самая что ни на есть страшная сука?

Одним словом, утра бы дожидаться.

Зайдя в номер, Мартынов, действуя по привычке верно рассчитывать силы, разделся, лег в постель, пахнущую дешевым стиральным порошком, закрыл глаза и тут же уснул.

Проснулся в восемь, позавтракал в пельменной на Красном проспекте, купил газету, почитал, заметил явные расхождения во мнениях между штатовскими и российскими журналистами, закинул «Российскую газету» в «бардачок» и погнал машину к детскому дому.

Уже через полчаса он вместе с Крутовым спустился в подвал и через тридцать минут вышел оттуда в состоянии, близком к шоку.

– Послушайте, Андрей Петрович... – напоследок придержал Мартынова за рукав директор. – Я хотел спросить вас... Мне полгода назад звонили друзья и сообщали, что Яков Басов, о котором вы вчера говорили... Как бы так сказать, чтобы не накликать...

– Умер, что ли? – сообразив, улыбнулся Андрей Петрович. – Это приступ был. Очень тяжелый. Ветеран в коме находился, а наша местная журналистская братия перепутала «клиническую» смерть с «биологической». Басов жив и здравствует!

Мартынов гнал машину в Павловск.

Гнал, стараясь выдерживать установленную знаками скорость, через минуту приходил в себя, сбрасывал скорость, а уже через минуту, забывшись, снова ее набирал.

В подвале он нашел старую книгу с выцветшими чернилами, в которой были обозначены все данные на выпускников детского дома 1988 года. А потом, просмотрев все десять журналов, с 1978-го по 1988-й, почувствовал легкое потрясение.

Имя Рома значилось под двумя фамилиями. Метлицкий и Гулько.

Это и было потрясение.

Он все еще думал, что шок не наступит. Но, свернув журналы за 1977 год и 1978-й, его все-таки испытал. Оба Романа, об одном из которых говорил у края могилы Коломиец, поступили в его детский дом во втором классе. В одно время. В один день. Семнадцатого августа одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого года.

А это означает, что теперь ему предстоит искать не одного Рому, а двух. Чтобы выяснить, кто из них есть Артур Мальков.

Это и был шок.

Оба после выпуска уехали в Павловск поступать в учебные заведения. Метлицкий – в военное училище, Гулько – в станкостроительный техникум.

Андрей Петрович гнал по трассе и слышал, как над его головой хохочут бесы.

Глава 5

Настроение не поднималось, оно кисло вместе с пивом в высоких стаканах. Даже Вика Соловьянинова, которая пела для Ромы, только для Ромы, и ни для кого больше, Вика, казавшаяся раньше идеалом женской красоты, теперь раздражала и не вызывала больше никаких эмоций.

Гул, Крот и Фома сидели в глубине ресторанных сумерек и разговаривали о делах. Рома смотрел на Вику, Вика пела и смотрела на Гула, Фома крутил шары и рассматривал троих приезжих, разогревшихся до состояния безобразия, а Крот, занимающий в коллективе Гула статус главы администрации, проводил короткий пресс-релиз.

– Халва вчера, как мне донес источник, вызывающий доверие, опять публично заявил на рынке, что отныне все меховые ряды будут башлять именно ему. Второе... Гул, можно я ему брови отрежу?

– Зачем? – осовело спросил Гул, которого информация об очередном безумии азербайджанца по кличке Халва никак не впечатлила. – Он сейчас здесь появится, я сам с ним поговорю.

Как будет выглядеть разговор, все прекрасно знали. По этой причине они и зашли в этот ресторан в спортивных костюмах. Правда, о том, как Роман Гулько будет «поговорить» с Гари Халсановым, не знал никто из посетителей, потому как если бы знали, то постарались бы от этого места удалиться как можно дальше.

Но Гул ошибся. Выражая желание отрезать не совсем пригодные для этого физиологические человеческие приспособления, Крот имел в виду вовсе не зарвавшегося «азера».

– Ты не понял, Рома, – поморщился Крот. – Я не о Халве. Я же сказал, Халва – первое. Теперь второе... Я о втором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.